

«Большой электронный позитрон», или Новая эра в переводе

Качественной научно-популярной литературы в наших магазинах мало. Книжки, написанные специалистами, встречаются редко. Тем с большим интересом я приобрела книгу английского физика Джона М. Чарапа «Объяснение Вселенной. Новая эра физики» (М.: Техносфера, 2007; пер. с англ. Г.К.Селиверстовой). Зазывная аннотация на обложке обещает читателям много увлекательного, она гласит даже, что благодаря этой книге «поэты усвоят новую лексику, чтобы затем описать множество чудес во Вселенной». Не знаю, как поэтов, но меня постигло полное разочарование, в котором, впрочем, виноват не автор, а катастрофически скверный перевод. Г-жа Селиверстова сделала все, чтобы превратить текст в нечто неудобопонятное, а местами – в откровенную тарабарщину. Не хочется говорить банальности, но за перевод научного текста должен браться человек, хотя бы элементарно знакомый со спецификой предмета, а также грамотно пишущий по-русски. Ничего похожего в нашем случае не обнаруживается.

Говорят, когда испытывали одну из первых программ-переводчиков, ей предложили фразу «Плоть немощна, но дух тверд», и она выдала: «Мясо испортилось, но вино хорошее». Перевод Селиверстовой порой демонстрирует пугающее сходство с этим примером. Так, в ее интерпретации количество движения – это «продукт массы и скорости» (с. 50). В самом деле, «product» – он и есть продукт... На с. 120, где говорится, что черные дыры проявляют себя излучением от падающего на них вещества, читаем: «Излучение от таких аккреционных дисков было обнаружено»; смысл совершенно тот же, не правда ли? А вот еще: «...некие пропорциональные образования из легких элементов, которые были созданы в первые несколько минут существования Вселенной» (с. 141). «Пропорциональные образования из элементов»? Опять сверяемся с оригиналом и читаем там: «...the proportionate amounts of the light elements» – «пропорциональные количества легких элементов». Хм...

На цветной вкладке, в подписи под изображением фрактального узора, вместо «множества Мандельброта» встречаем какой-то «комплект Мандельброта» («компьютерные изображения из комплекта Мандельброта»): видимо, понятие «Mandelbrot set» было интерпретировано переводчицей как подобие клипарта. Крабовидная туманность названа «туманностью Рака», причем и на цветной вкладке, и в тексте (с. 38). О проблеме детектирования гравитационных волн говорится: «...огромные трудности для считывания гравитационной радиации...» (с. 117). О реликтовом излучении: «Длина волны радиации вытянулась на тот же коэффициент...» (с. 41). Слово «радиация» Г.К. Селиверстовой очень нравится: «радиация Черенкова» (с. 97), «радиационные лучи» (с. 37); что «радиация» буквально означает именно «излучение», она, похоже, не осознает).

Вообще косноязычие текста впечатляет. Вот фрагмент описания эксперимента по

обнаружению осциллирующей нейтрино: «Для тех [нейтрино], что падают сверху, проходит слишком мало времени, чтобы совершить для этого заметное уменьшение потока, но для тех, что приходят снизу, времени достаточно, чтобы то, что стартовало как мю-мезон-нейтрино, имело только 50% шансов остаться таковым при считывании детектором» (с. 97). Сколько раз нужно это прочесть, чтобы прорваться к смыслу? (В оригинале: «For those coming from overhead, too little time elapses for this to have made an appreciable diminution in the flux, but in the case of those coming from below, sufficient time passes so that what started a muon neutrino will have only a 50 percent chance of being one when it reaches the detector.») Непонятно, кстати, зачем мюонные нейтрино (muon neutrino) переименованы в «мю-мезон нейтрино». А вот суть фотоэффекта: «Когда свет падает на металл, может произойти выброс электронов, что приводит к подаче порции электричества» (с. 47). В интерферометре два луча «вибрируют в соответствии друг с другом»; «компоненты расщепленного луча заставляют подсккивать много раз между зеркалами» (с. 117). Принцип действия пульсара: «Торя-

есть субатомные. Примечательно, однако, что PROMT выдает именно «податомные!» Подозрения готовы перерастать в уверенность...

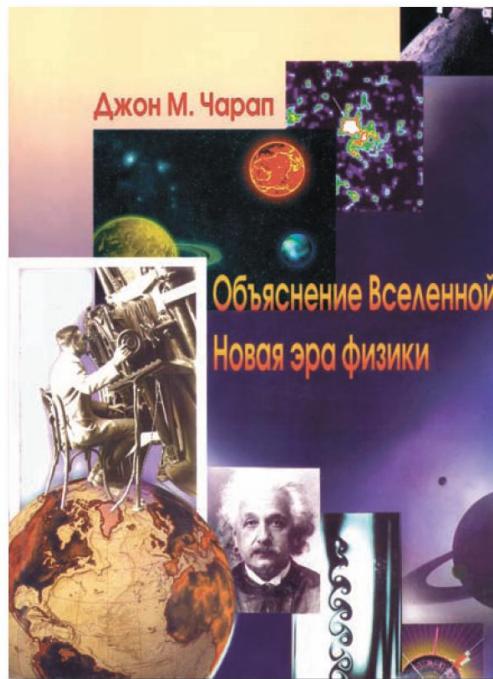
Терминология вообще является для Селиверстовой темным лесом. Ей неведом даже термин «сверхновая», давно уже перешедший в категорию общеупотребительных слов, вроде «метеора». «Новая» (nova) и «сверхновая» (supernova) именуется соответственно «нова» и «сверхнова», и текст пестрит выражениями «взрыв сверхновы», «данные о сверхновах», «поиск новы». Угольковые отражатели (используемые для лазерной локации Луны) названы «угловыми рефлекторами» (с. 157). Удивительной трансформации подверглось название радионисточника Cygnus A, в отечественной литературе часто называемого «Лебедь А» (Cygnus – латинское наименование созвездия Лебедя). У Селиверстовой он превратился в «Сигнус А» (с. 36): с первого раза не сообразишь, о чем идет речь. Адроны именуются «гадронами» (с. 100), комплементарность (complementarity) названа «комплиментарностью» («комплиментарность между свойствами частицы и волны»); одна буква меняет смысл до абсурда. Опечатки? Подобные вещи встречаются на каждой странице, при том, что у книги имеются редактор (Н.Е.Евдокимова) и корректор (О.А.Ильинская).

Перевраны едва ли не все имена и фамилии ученых. Разумеется, произношение большинства фамилий на языке их носителей отличается от общепринятых русских эквивалентов («Einstein» по-немецки читается «Айнштайн»), но очевидно, что в русском тексте необходимо придерживаться устоявшихся норм, иначе персонажи оказываются трудноузнаваемыми. Г-жа Селиверстова не утруждает себя подобными тонкостями, а порой искажает и оригинальное звучание. В книге встречаются «Людвиг Болтцманн» (с. 21), «Тихо Брахе» (с. 111), «Урбан Ле Верьер» (с. 112), «Альбус Салам» (с. 132), «Шварцчайльд» (там же; Карл Шварцшильд – немец, и его фамилия читается именно так!), Фред Хойл (Hoyle) стал «Хойлером», Роберт Вагонер (Wagoner) – «Вейгонером» (с. 141), отечественный ученый Ю. Гольфанд назван «Голфандом» (с. 124). Вместо «конденсата Бозе – Эйнштейна» видим «боз-эйнштейн конденсат» (с. 160). И т.д., и т.п.

Но шедевром и, так сказать, жемужиной опуса г-жи Селиверстовой является выражение «Большой электронный позитрон» (с. 104). Что, как вы думаете, это могло бы означать? Так поименован Большой электрон-позитронный коллайдер (Large Electron-Positron Collider, LEP). Комментарии излишни. Занавес.

...В предисловии к книге автор говорит: «Я надеялся сделать некоторые области физики, которые я считаю потрясающе интересными, доступными для обычного читателя». Увы, можно лишь посочувствовать ему, а заодно и всем обманутым читателям. Ибо, судя по доступным фрагментам оригинала, книга действительно интересна. Но лучше уж никакого издания, чем такое: перевод Г.К. Селиверстовой, образец запредельного невежества и безграмотности, способен лишь отвлечь читателя от науки.

Наталья Васильева

ее пятно" на поверхности вращающейся нейтронной звезды излучает радиацию, которую мы считываем с регулярных импульсов» (с. 116).

Поистине замечательны надписи на иллюстрации, схематично изображающей стадии эволюции Вселенной (с. 139): «Форма податомных частиц», «Форма световых элементов», «Электроны и позитроны уничтожают друг друга» (так и представляются то некие фонарики, то битва электронов с позитронами). В оригинале – «subatomic particles form», «light elements form», «electrons and positrons annihilate each other». Между прочим, последнюю фразу известная программа PROMT переводит в точности так же, как и К.Г. Селиверстова, что наводит на определенные подозрения, ибо нормальный перевод предполагает не только смысловую, но и стилистическую адекватность. Не говоря уж о том, что никаких «податомных» частиц не существует –